

ИВАН КРАСТЕВ

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
Р·О·Д·И·Н·А**

РАЗГОВОР С
ГЛЕБОМ ПАВЛОВСКИМ

Глеб Павловский

**Экспериментальная родина.
Разговор с Глебом Павловским**

«Европа»

2018

УДК 321.01
ББК 63.3 (2 Рос)

Павловский Г. О.

Экспериментальная родина. Разговор с Глебом Павловским /
Г. О. Павловский — «Европа», 2018

ISBN 978-5-9739-0224-7

Закулисная история СССР и России конца XX – начала XXI века в приключениях и похождениях Глеба Павловского. Книга составлена известным европейским политическим ученым Иваном Крастевым. Она состоит из откровенных рассказов Павловского о его политической активности за 50 лет начиная с 1968 года. История политического экспериментатора, диссидента и политического советника Кремля, деятельного участника многих российских заговоров и проектов. Книга впервые вышла в сокращенной редакции на болгарском языке под названием «Время и место» (издательство «Труд», София, 2017). Для российского издания выпущенные главы и места восстановлены.

УДК 321.01
ББК 63.3 (2 Рос)

ISBN 978-5-9739-0224-7

© Павловский Г. О., 2018
© Европа, 2018

Содержание

Иван Крастев. История Глеба (предисловие)	6
I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иван Крастев
Экспериментальная родина.
Разговор с Глебом Павловским

© Иван Крастев, 2018

© Глеб Павловский, 2018

Иван Крастев. История Глеба (предисловие)

В 2003 году президент России Владимир Путин пригласил к себе группу влиятельных либеральных журналистов, в их числе редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова. Пил с ними чай и водку. Венедиктова в том разговоре поразило его четкое отличие «врагов» от «предателей». «Враги прямо перед вами, – сказал Путин, – вы боретесь с ними, но настало перемирие, и конфликт закончен. А предатель должен быть уничтожен, раздавлен».

Когда в 2012 году я предложил Глебу Павловскому, самому известному тогда российскому политтехнологу, неоднократно объявленному серым кардиналом Кремля, начать разговор, который может привести к книге, я прекрасно понимал, что такая книга вызовет обсуждение одного из самых нелюбимых людей в России, которого и во власти, и в оппозиции считали предателем. Либералы ненавидели его за вклад в строительство путинской России. Путин не мог забыть, что в роковой для него 2011 год Павловский яростно утверждал, что президент Медведев должен иметь право на второй срок, что возвращение Путина в Кремль опасно для России. Но меня в его версии истории, в понимании природы и целей нынешнего российского режима влекла именно тема предательства. Я хотел понять, имел ли Павловский намерение помочь Путину не предавать себя, или просто заключил ошибочное пари и проиграл?

Я чувствовал, что положение Павловского как бывшего путиниста поможет понять сегодняшнюю Россию. В этом смысле книга – не разговор с российским оппозиционером и не книга-сенсация, где обиженный придворный разоблачает тайны Кремля. Это мысли русского интеллигента, переживающего Россию как личную биографию. Человека, который испытывает ответственность за удушение либеральной интеллигенции в России.

Павловский кажется героем из романов Достоевского. Умный, таинственный, гламурный, саморазрушительный и циничный. В его личности поражает пылкое убеждение, будто он несет личную ответственность за судьбы мира. Рассказывая о последних днях Советского Союза, он как-то признался мне: «В 1991 году я был так поглощен личной драмой, переживал конец страсти... Уверен, если б не это, я нашел бы способ не допустить краха СССР». Звучит речью безумца! Неужели Глеб вправду верил, что мог спасти коммунистическую империю? Возможно, и нет, но эту фразу произнес человек, состоящий в слишком тесных связях с историей. Тот, кто знает, что историю делают не обезличенные процессы, а выбор конкретных людей. Кто поставил свой опыт, личный и общественный, в центр понимания политики.

Обдумывая эту книгу, я не планировал проверять, говорит ли Павловский правду о том или ином эпизоде (моя цель – не журналистское расследование и не фундаментальное историческое исследование). Меня интересовало, как Глеб пытается разобраться в своей жизни и в сегодняшнем мире. Я не боялся, что он солжет или приукрасит что-то, ведь я помню высказывание Бродского, что «подлинная история нашего сознания начинается с первой лжи».

Уже в начале нашего сорокачасового разговора я понял, что в истории Глеба меня интригуют не решения, которые он принимал, а отчаянная попытка собрать воедино частицы своей жизни, прочитав их как историю современной России. В каком-то смысле все мы блуждаем в поиске целостности, и наша жизнь – коллекция кратких сюжетов, которую мы пытаемся выдать за роман. Однако история, которую вы найдете в этой книге, заслуживает того, чтобы быть прочитанной.

Павловский родился в Одессе 5 марта – в день смерти Сталина, только двумя годами раньше, в 1951-м. Как у большинства людей его поколения, его жизнь началась в сталинской тени. Неудивительно, что он убежден в невозможности понять Россию, не осмыслив природы феномена Сталина.

В 1950-х Одесса была городом имперских призраков и послевоенных руин. Место, где история столь вездесуща, что невозможно не быть историком. Не удивительно, что в итоге Пав-

ловский окончил исторический факультет. Но он изучал историю не для того, чтобы преподавать ее, а чтоб ее делать. Самые поэтичные страницы этой книги те, где Павловский описывает свою жизнь в Одессе. Некоторые из его воспоминаний будто сошли со страниц произведений латиноамериканского магического реализма. Глеб социализировался в атмосфере 1968 года, на всплеске чувства освобождения и суверенности индивидуума. Он увлекался чтением, и, подобно многим современникам, его любимыми книгами были произведения в жанре научной фантастики. Иными словами, это одна из многих личных историй 1968 года. С характерным убеждением тех лет, что все, не ставшее твоей биографией, – ничто. Провинциальная версия советского нонконформизма-1968. С жизнью в коммуне, где юношеский идеализм изнемогал в спорах о будущей революции и в милых ссорах из-за милых девушек. А стремление прикоснуться к истории заканчивалось допросом в кабинете местного офицера КГБ.

Семья Павловского принадлежала кругу инженерной интеллигенции – политически прогрессивной, культурно консервативной, не состоящей в КПСС. От них он узнал правила советского существования: ты можешь читать запретную литературу, но не делать копий с нее и тем более ни при каких обстоятельствах ее не распространять. Как выразился один болгарский сатирик, «можешь думать, но не говорить, а если говоришь, не пиши, а если написал, ничего не подписывай. Но решив подписать, не удивляйся, пожалуйста, тому, что последует».

Однако Павловского не прельстила мудрость выживания. Его не влекла интеграция в советскую систему, неинтересной выглядела и мысль эмигрировать. Он был гордый молодой человек, готовый прожить жизнь интеллектуальным диссидентом – тем, кто, вероятнее всего, окажется за решеткой, но не сдастся. Человеком, силе и целостности которого будут завидовать. Который меняет мир силой идей и силой своего примера жизни по правде. В лучших традициях русской интеллигенции Глеб тянулся к простым людям и хотел быть одним из них (большую часть советского периода своей жизни он работал руками и гордился этим). Итак, он ясно представлял себе, как должна выглядеть его диссидентская жизнь.

Как вдруг все пошло не так. При первой же встрече с КГБ в середине 1970-х в Одессе он не смог соответствовать своим героическим идеалам. Для него самого провал был одновременно и неправдоподобным, и страшно реальным. При чтении книги становится ясно, что именно травмирующий опыт провала, момент слабости и создал будущего Павловского. Не зная, как справиться со своей слабостью, он стал еще более напористо-оппозиционным. Но ведь этого мало, чтоб компенсировать нехватку твердости. Российское сообщество диссидентов было чем-то вроде моральной секты, нетерпимой к человеческой слабости.

Павловский уехал в Москву, и у него появился второй шанс. Он сделал себе имя как диссидентский публицист, редактор журнала «Поиски» в самиздате. Наверное, то были самые счастливые годы его жизни. Теперь он стал частью Движения, членом сообщества, избранного им самим, – моральной аристократии России. Его уважали, его любили.

А затем он сломался снова. Арестованный в 1982 году, он никого не сдал, но, признав себя виновным, отрекся от оппозиционной деятельности. Этот второй момент слабости похоронил в нем надежду соответствовать идеалам юности. Зато на этот раз Павловский извлек из неудачи творческий импульс. Он концептуализировал свою измену как свободу действия. Именно чувство неприязни к себе, которое тогда испытал он сам и которое многие испытывали к нему, прекрасно объясняет действия Павловского в 1990-х. Презрение по отношению к собственной слабости трансформировалось в нем в ненависть к слабостям посткоммунистической России и к политическому бессилию интеллигентов.

Политтехнолог Павловский родился из яростного неприятия слабой несuverенной России. Но еще – из догадки, что слабость государства позволяет людям отнестись к реальности, как писатель относится к художественному сюжету. В 1990-х на Западе постмодернизм был только модой – а в России Павловский и такие, как он, ввели постмодернизм и нравственный релятивизм в большую политику.

В скандальном политическом триллере «Политолог», написанном в традициях «конспирологического реализма», Александр Проханов, один из лидеров русских националистов, рисует зловещий и глубокий психологический портрет политтехнолога. Он персона из ада: циничный, вероломный, амбициозный и жадный. Он креативен и лжив одновременно. Он заложник его стремлений к манипуляции всеми остальными. Он непревзойденный инженер человеческих душ и орудие кремлевской политики. Он фигура трагическая – запутавшийся, испуганный и беззащитный. В своем воображении политтехнолог спасает демократию – по мнению прочих, он ее могильщик.

Смысл, который вы вкладываете в определение политтехнолога, в Москве изобличит вашу позицию и нравственное чутье. «Политтехнолог» может означать политического аналитика и политконсультанта, а может – эксперта по черному PR, профессионала замутнения политической среды. Под политологом могут подразумевать приспешника Кремля или просто политического провокатора. Вопреки распространенному мнению западных СМИ, политтехнолог – не местная версия термина *spin doctor*, манипулятора общественным мнением. От других предвыборных стратегов и PR-консультантов, населяющих странный мир российской политики, он прежде всего отличается прямой или косвенной связью с Кремлем.

Политические консультанты на Западе – эксперты по завоеванию голосов для своих кандидатов. Политтехнологи в России также мастера завоевания голосов, но, сделав еще шаг, они становятся профессионалами «креативного подсчета». Обычный политконсультант работает на одну из партий на выборах, делая все возможное, чтобы его партия выиграла. Политтехнолога интересует не победа партии, а победа *Системы*. Его цель – не просто максимизировать число голосующих за клиента, а получить на выборах результат, максимально близкий к тому проценту голосов, который его клиенту запланировал Кремль.

Политтехнологи здесь отвечают за иллюзию конкурентности в политике, иными словами, за то, чтобы в российской политике не было альтернатив. Как выразился Эндрю Уилсон, «постсоветские политтехнологи... видят себя политическими метапрограммистами, дизайнерами Системы, лицами, принимающими решения, и контролерами одновременно, применяя любую технологию, какую смогут, к конструкции политики в целом». Их роль в российской политике напоминает роль Госплана в советской экономике. Они движутся в мире клонов и двойников, в мире «административных ресурсов», «активных мероприятий» и «компромата». В мире партий, которые участвуют в выборах, не имея ни персонала, ни членов, ни даже штаб-квартиры. В мире хорошо оплачиваемых инсайдеров, выступающих как громогласные оппоненты режима, в мире националистических пугал и фальшивых переворотов.

Если процитировать памятную фразу Владислава Суркова, главная их задача в том, чтобы разделить электорат и объединить нацию.

В середине 1990-х Павловский обнаружил у выборов потенциал становиться «событиями», создающими в стране новую реальность. Его поразили факт, что большинство избирателей желают демократии, в то же время мечтая о «сильной руке» центральной власти. Классическое различие между демократией и авторитаризмом в России не работало. Павловский одним из первых осознал, что в новом мире выбор – не столько выражение интересов людей в институтах, сколько презентация власти народу. В ходе президентских выборов 1996 года он смотрел интервью с пожилой женщиной. Та рассказала интервьюеру, что она коммунистка и ей близок коммунистический лидер Геннадий Зюганов, но голосовать будет за Ельцина, потому что он президент. А за Зюганова она проголосует, лишь когда тот станет президентом! Другими словами, выборы в коммунистической России – не представительство народа, а представительство власти перед народом. Как лишить народ права голоса, не лишая его прав голосования? Вот самая большая проблема, которая стояла перед Кремлем и которую должен был решать Павловский. Решением стала «управляемая демократия».

Читая эти воспоминания, легко понять, что свело Путина с Павловским. Это испытываемое обоими возмущение слабостью страны. Оба мечтали взять реванш. Однако, читая историю жизни Глеба, можно понять и то, что вынудило их пути разойтись. Павловский стал путинистом, мечтая о суверенной России, и стал экс-путинистом, ценя суверенитет личности. Павловский и Путин единодушны в том, что развитие России нельзя свести к подражанию Западу, но, по мнению Глеба, Россия обречена, пока ищет себе цели в противостоянии Европе. Оба ностальгировали по СССР. Но если Путина привлекал статус советской сверхдержавы, то Павловского привлекала масштабность советского проекта – Советский Союз был для него единственным периферийным образом России.

По Павловскому Россия сегодня – не идейный боец, готовый преобразовать мировой порядок, но и не реалист-прагматик, обороняющий сферу влияния. Путинский Кремль страшится, что потеря иллюзии России как великой державы станет угрозой существованию страны. В глазах Кремля статус великой державы заключается в том, что страна может нарушать правила, не подвергаясь наказанию.

Согласно Павловскому, Россией движет не сила экспансии, а внутренняя слабость и отсутствие видения близящегося послепутинского будущего. Путин преуспел в том, чтобы политическая альтернатива ему стала немыслимой, страна попала в ловушку его успеха. Иными словами, массовая поддержка Путина – слабость, а не сила, и российский лидер об этом догадывается. Вячеслав Володин лаконично резюмировал: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России». Российская политическая система функционирует, исходя из тезиса, что ее президент бессмертен.

По мнению Павловского, ключ к пониманию стратегического поведения и логики путинского режима дает пережитая ими катастрофа крушения СССР, а не мнимые геополитические интересы и ценности. Кремль не просто населен выжившими в переходный постсоветский период – здесь собраны специалисты по выживанию. Они мыслят всегда в терминах наихудшего сценария. Считая, что будущая катастрофа не за горами, они паразитируют на кризисах, увлекаясь экстраординарными ситуациями и политикой без правил. Этим людям недостает одного – трезвого видения будущего. Путин спас Россию, но оставил ее без будущего.

Разговор в этой книге довольно печален. Павловский опасается, что отказ России интегрироваться в мир XXI века может привести в конечном счете даже к коллапсу человечества. Как и его интеллектуальный учитель, историк-диссидент Михаил Гефтер, Павловский считает, что мы достигли конца истории, но, в отличие от Фукуямы, он видит в этом самый острый ее момент.

Сегодня я перечитываю наши разговоры с Павловским (только часть из них вошла в эту книгу), и меня не оставляет чувство, что западному анализу современной России более всего недостает понимания этой ментальности «конца света», характерной для политических и интеллектуальных элит эры Путина.

I

Детство в Одессе. Пятидесятые

Иван Крастев: Ты родился 5 марта – в день, когда умер Сталин?

Глеб Павловский: Да, только за два года до его смерти – в 1951 году. Мое двухлетие семья отмечала шепотом при закрытых ставнях. Гордясь звучной датой рождения, я с детства знал, что живу в несталинское время. Хотя оптимизм чувства 1950-х годов сам был эхом сталинизма. Люди жили в светлой паузе, на перевале от страшного прошлого и с вечной тревогой его возвращения в будущем.

Я родился в Одессе, а это место своеобразное в советской топологии. Неподатливые ленинизму одесситы жили веселей, чем в других местах СССР. Здесь царил культ повседневности, и на всякого, кто рассуждал об идеях, косились, как на психа. С другой стороны, одесский топоним был сам по себе легендарен. Весело уже то, что первые хозяева Одессы были эмигранты-космополиты, как де Рибас и де Ришелье или граф Воронцов – англоман, высмеянный Пушкиным в злой эпиграмме. Текст ее после революции высекли на одесском памятнике Воронцову – «Полумилорд-полуподлец, полуглупец-полуневежда...», впрочем, румыны во время оккупации доску сбили и после не стали ее восстанавливать. Да и курортная Одесса как место пушкинской ссылки звучала смешно во времена, когда слали в Магадан или Коми.

Советские мифы ограждали одесскую вольницу от СССР. Так, фильм «Броненосец «Потемкин»» режиссера Сергея Эйзенштейна выдал городу поддельное свидетельство о героизме. В Одессе в 1905 году были перестрелки, был страшный еврейский погром. Но мятежный броненосец тут ни при чем – подойдя к городу и выпустив пару снарядов, он уплыл в Румынию и сдался. Зато фильм Эйзенштейна выдал городу охранный миф «революционной Одессы», и советская власть его акцептировала.

НЭП породил следующий миф – комедийную мелкобуржуазность одессита, навсегда застрявшую в советском кино. Почему-то коммунисты любили смотреть, как в суровые дни революции Одесса торговала и веселилась. Ее официально признали маргинальным «полусоветским» городом, где в Гражданскую войну часто менялась власть. Этот фарс обыгрывали в бесчисленных советских комедиях, но никому не дали бы снять такого про Севастополь и Ленинград! Легенды отчасти заместили Одессе коммерцию, которая после 1917 года рухнула. Население города сократилось вдвое, с 640 до 320 тысяч человек. Мой дед Василий Романович лишился токарного станка за невыплаченный кредит, зато женился на бабушке Феодосье Ивановне.

Война с Гитлером породила последний миф – героической обороны Одессы. Красная армия отступала по всему фронту, и к октябрю 1941-го Гитлер был под Москвой. Но под Одессой воевали румыны Антонеску, и оборона города затянулась аж на 73 дня. Для 1941 года такое было удивительно, а для Сталина стратегически ценно. Одесса пала только 16 октября, в день, когда едва не пала и сама Москва. Указом Сталина ее объявили первым в СССР городом-героем. Поначалу в СССР были лишь четыре города-героя войны – Одесса, Севастополь, Ленинград и Сталинград; мы этим очень гордились. В отличие от Киева и Харькова, город не был сильно разрушен и после геройской обороны недурно устроился под румынской оккупацией. За исключением одесских евреев, конечно.

И. К.: Одесса была еврейским городом?

Г. П.: До войны да. Евреев была треть населения, тысяч полтора. После войны осталось меньше ста, и то лишь успевшие эвакуироваться. При румынах не было тотальных ликвидаций, как в Литве или в Киеве. Даже к концу оккупации Одесса не стала «юденфрай».

Однако румынские союзники Гитлера внесли свой вклад в холокост. Их модель антисемитской политики – сегрегация и погромы. Когда оккупационный штаб в Одессе взорвали партизаны, румыны устроили многодневный погром, уничтожив двадцать тысяч человек разом. Убивали зверски. Евреев загоняли в старые дома и пакгаузы, забрасывали гранатами, поджигали. Отец помнил обгорелые трупы, выложенные для устрашения вдоль Торговой улицы. В еврейском погроме румынские солдаты были готовы участвовать, но в «эндльозунге» нет. Педантично истреблять евреев по спискам, как немцы, румыны не стали.

Помню, прямо на углу Школьного переулка, где прошло мое детство, жил часовщик Лурье, у его двери висела табличка с именем и профессией – «часовщик Лурье». «Часовщикъ» было написано с твердым знаком, по дореволюционным правилам. Под ней сидел в кресле сам старик часовщик с парализованными ногами, и за ним ухаживала женщина. Вот их история: в 1941 году он попал в румынский лагерь, чинил там часы начальству, и под конец комендант его отпустил. Лурье говорит: «У меня тут жена» – комендант разрешил забрать и жену. Первую женщину, встреченную по дороге к воротам, Лурье захватил на свободу, и она с ним осталась до смерти.

Родители рассказывали, как румыны и немцы зверствовали в отношении евреев. Ребенком я в ужасе читал румынскую оккупационную прессу, которой были подклеены географические карты. То были насквозь антисемитские издания. Издавали их, кстати, бывшие советские партработники. Тем не менее евреи жили вокруг, и все мои друзья были евреи. Я жил в очень еврейском районе, между Новым рынком и Молдаванкой. О существовании еврейских национальных чувств узнал только в 1967 году от друга детства, восторженно рассказывавшего о победе Израиля в Шестидневной войне. А я был прямо противоположных чувств и рыдал в подушку, когда Насер подал в отставку.

Само понятие «коренного населения» чужое нашим местам. В одесских семьях, если верить рассказам, по происхождению все европейцы. Если из России на Запад бежали, то в Одессу наоборот, стекались бродяги со всей Европы, создавая космополитический аромат. И у меня по отцовой линии был некий беспокойный немец Дорн, якобы в середине XIX века проклятый отцом и отправившийся прочь из Германии искать судьбы. Этот Дорн поехал в Америку, проехав всю ее, и ничего себе не нашел. Пересек Тихий океан, Россию и после всех приключений женился в Одессе. Его сын уже был православный поп.

У мамы родовой миф еще туманней, о некоем голландском матросе, якобы еще в XVIII веке женившемся на башкирке. Мамина линия вышла из Варшавы, а ее отец-белорус, отвоевав, осел в Херсоне. Херсон – город рядом с Одессой, в устье Днепра. Два часа езды, но дух совершенно другой. Это речной alter ego Одессы. Тоже в прошлом очень богатый город, столица экспортеров зерна, Херсон был даже губернской резиденцией, но он ничуть не космополитичен. Эта родина Льва Троцкого несомненно украинский город.

И. К.: Значит ли это, что в Одессе жили космополиты – даже среди тех, кто так себя не осознавал?

Г. П.: И да, и нет. Одесса украинизацию саботировала. Вывески магазинов на украинском всюду висели, но все говорили по-русски. И главное, одесский городской миф был стилистически чужд мифу «советской Украины». Первой столицей УССР был технократичный русский Харьков. Киев получил столичный статус формально с 1930-х, а фактически лишь после войны. Киевляне проводили, как тогда говорилось, кадровую «рустикализацию». Кадрам сельского происхождения, говорящим на плохом русско-украинском диалекте – «суржике», отдавали преимущество. Одесса всегда злила киевскую сельскую номенклатуру. После войны город официально считался «наказанным». Чем нас наказывали? Срезали инвестиции на капитальное строительство, и город долго стоял в руинах. Киев слал управлять Одессой некомпетентных начальников, отборных болванов и антисемитов. Один такой, увидев в центре города

скульптуру – античную копию Лаокоона, велел срезать его мраморный фаллос. В перестройку статую реабилитировали и кастрированному Лаокоону приделали гипсобетонный эрзац. На темном античном мраморе бетонный пенис сиял, как маяк гласности.

И. К.: В юности ты мечтал покинуть Одессу или хотел в ней жить и умереть?

Г. П.: Этот любопытный вопрос я не мог решить до 25 лет. С одной стороны, Одесса превосходна, и одессит втайне наслаждается хвалами ей от других. Но и бросить родину для одессита всегда было чем-то нормальным. Почти все, кем одесситы гордятся, – те, кто не остался в Одессе. Они уехали и состоялись в других местах. Одесса своих знаменитостей легко экспортирует. Начиная с Дюка де Ришелье, который вернулся во Францию премьер-министром Людовика XVIII, до космического гения Сергея Королева и Анны Горенко, в Петербурге ставшей Анной Ахматовой.

У меня не было стремления оставить свой город. Впервые такая мысль возникла в 1968 году, в дни одержимости Че Геварой. Недавно разбирая блокноты, нашел тетрадь, испи-санную испанскими фразами, – это я взялся учить испанский, думая сбежать на революцион-ную Кубу. Но философский роман с Марксом похоронит экзотику, а интересы переключатся на Москву, где жили мои новые учителя.

И. К.: Как до тебя дошел Че Гевара и вся эта левая мифология?

Г. П.: Кубинской контрабандой. Левая традиция в Одессе отсутствовала, и я с друзьями ее выдумывал, взяв 1968-й за основу. В журнале «Куба», выходившем по-русски, вычитал исто-рию Че Гевары. СССР тогда еще идейно враждовал с Кастро из-за экспорта революции и кри-тики «советского обуржуазивания». (Перелом настал позже, когда Кастро резко одобрил втор-жение в Чехословакию.)

Со школы я жил международными новостями о войнах во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, деколонизации и переворотах. Зачем поглощал так много для школьника литературы по мировой политике? Я всюду искал спрятанный от меня конфликт. Сняв Хрущева, власти взяли курс на деполитизацию, упирая на потребление и отказ от идейного универсализма. Пятидесятилетие Октября в 1967 году было последним революционным праздником, где про-мелькнули остатки идейной искренности. В стране победившей утопии сама она стала бранным словом. Горизонт сузился, Советский Союз погружался в провинциальный «реальный социа-лизм», теряя свой глобалистский шарм.

В Одессе это чувствовалось даже сильнее. Город выглядел неубранными подмостками мировых премьер. Но шрамы истории были реалистичны и эмоционально сильны. Я рос среди руин империи, революции, гражданской и Второй мировой войны. Войны не застал, но вокруг меня в детстве не было ни единой целой, необстрелянной стены. Дед Василий водил смотреть мемориал памяти жертв погрома и на стене еврейского кладбища показал следы залпа: здесь в 1920 году расстреливали французских коммунистов-легионеров. Сам дед побывал эсером, но в 1917-м, разозлившись на «это трепло Керенского», порвал с партией. Заурядные на вид горо-жане были участниками тайных драм. Учитель английского в школе был из группы перевод-чиков Сталина и рассказывал о нем смешные истории. На библиотекаря соседней библиотеки указывали как на бывшего секретаря аргентинской компартии. При перевороте он укрылся в советском посольстве и жил там, пока его не вывезли в чемодане. Разумеется, ничего этого нельзя было проверить. Дядю Тоню после войны гоняли в порт ночью грузить ящики с «шмай-серами» для Израиля, а молодой Теодор Шанин в Палестине их разгружал. Гигантский одес-ский порт источал левантийскую ауру стран, где время продолжается. А в городе история оста-новилась, и от нее были только обломки. Наш дом стоял уцелевшим в треугольнике развалин, где мы детьми искали патроны и осколки бомб.

И. К.: Насколько воспоминания о терроре 1930-х присутствовали в коллективной памяти города?

Г. П.: Прошлое от детей скрывали. У нас в семье погиб только один человек, муж бабушкиной сестры инженер Долидзе, грузин. Муж другой бабушки Нины Романовны, дядя Тоня, в молодости был «зиновьевец» и попал под следствие. Тогда он забрал семью, уехал строить ДнепроГЭС и там уцелел. Маминого отца деда Костю, кадрового военного, спасла бериевская амнистия 1939 года. По субботам мужчины играли в домино. Приходил начальник дедова цеха, инженер, недавно вернувшийся из сибирских лагерей. Он с размаху бил костяшками домино, приговаривая: «Вот как бить надо, товарищи, – вы нас бить не умеете!» Инженер гордился тем, что при побоях уберег зубы, и охотно их показывал – его черновато-желтые зубы меня пугали. По суду он заставил того, кто написал на него донос и занял квартиру, вернуть одну комнату из трех. Теперь они все жили вместе. По утрам инженер стучал в двери: «Вставай, сексот, мыть парашу – твоя очередь!»

Люди возвращались из зверских лагерей, но выглядели мирно и легко социализировались. Тема Сталина мелькала в разговорах взрослых, лишь поскольку ее поддерживала хрущевская печать. Террор 1937 года сильнее бил по партийной интеллигенции, а Одесса была городом беспартийных. Тем более держали вне партии тех, кто побывал в оккупации, как отец. Ограничительная строка «Пребывание в оккупации» в советских анкетах оставалась еще долго после войны. Так я вырос в беспартийной семье.

В Одессе я не встречал чего-то подобного московским кружкам жертв сталинских репрессий. Ходили только страшные байки. Все одесситы знали историю учителя музыки Теофила Рихтера, отца великого Святослава. Немец-лютеранин, органист в одесской лютеранской кирхе, Теофил учил музыке будущих ракетных конструкторов Королёва и Глушко (тоже одесситов, кстати). При отступлении Красной армии из Одессы органиста пристрелили как «немецкого шпиона». Мать Святослава вышла замуж за другого музыканта, коллаборациониста. И тот, взяв фамилию Рихтер, уехал в Германию как фольксдойче.

И. К.: А религия была важна в Одессе?

Г. П.: Она ушла в тень. Одесса имела несколько скрытых планов, тут были теневые сообщества, которые властями терпелись. Верующие кошерные евреи жили замкнуто, никуда не встречали, и раз в год одного самого дряхлого еврея отпускали в Израиль умереть на родине предков. Какая-то предпохоронная квота, что ли. Православие было растоптано. Закрылись почти все храмы, даже те, что пооткрывали после войны. Мои окна выходили на руины штаба, который румыны, отступая, взорвали. А рядом церковка, при Хрущеве обращенная в склад. Преподавая по селам, я встречал прихожан катакомбной церкви, не признававшей Московский патриархат. У протестантов, которых официально не регистрировали, были тайные моленные дома. Кадровики их любили, так как протестанты были работяги и непьющие. Мой первый учитель рабочему делу был столяр-иеговист.

Религия для меня тогда ничего не значила, но эсхатологией пропахла сама советская жизнь. Она распаляла мою утопическую жажду. С детства я знал, что живу в промежутке двух апокалипсисов – 1917 года и грядущего, картина которого неясна. Звонкий молодой голос Хрущева сулил второе пришествие коммунизма в конце века, причем без террора и новой войны. Учителя говорили, что армия – отживший институт, с Америкой скоро будет договор о разоружении, и нам служить не придется. Советская фантастика это подтверждала – кстати, в отличие от американской фэнтези. Неистовый дух большевизма перешел в мирную форму мечтаний о светлом будущем. Никто никого уже не хотел убивать.

Играя в крохотном Школьном переулке, мы чуть притихали, слышав голос Левитана: «Работают все радиостанции Советского Союза!» Вдруг война? Но нет, всякий раз это был только новый полет в космос. Мне трудно передать почти миллениаристский пафос 1950-х – все,

ветхое прошлое позади! Сталин мертв, война выиграна, и мы увидим светлый конец истории – коммунистическое человечество без вражды и границ.

В Одессе 1950-х годов советская жизнь казалась безгосударственной, хотя государственная граница шла прямо по пляжу. На песке лежали загорелые одесситки, над ними – пограничные вышки, и в каждой пограничник с биноклем. Граница была – вот она, но идею границы как-то не воспринимали всерьез. С государством в Одессе вообще было трудно столкнуться. Постовых на улицах я увидел, когда приехал в Москву. Милиционер для меня был «участковый» – важный человек, который редко являлся, но все обо всех знал. Он обсуждал проказы школьников с их родителями, а вот на улицах его встретить было редкостью.

Советскую власть представляло чаще общество, чем государство. Зато пацифистское общество становилось хищным, если решало заняться тобой. Эта невероятно уютная система вдруг становилась враждебной, диктуя однозначные требования, которые никем в другое время не соблюдались.

Готовя к этому моменту, родители делились со мной чувством опасного. Они не читали лекций, а учили обходить опасные ситуации. Так, в пятом классе ходила по рукам тетрадка с антихрущевской поэмой «Про царя Никиту». Унеся домой, я взялся ее перепечатывать на отцовской пишущей машинке. Но, заслышав стук клавиш, папа ворвался и закатил скандал. Тут для меня выяснилось несколько вещей: читать читай, но размножать нельзя. Тебе дали? Ладно, виновен тот, кто дал. Но я скопировал, а вот это значительно хуже. Да еще на пишущей машинке! А знаешь, говорил папа, что машинка наверняка зарегистрирована в КГБ? Еще недавно все пишущие машинки регистрировали в районных отделениях госбезопасности, которые Хрущев позакрывал.

Само приближение коммунизма могло стать опасным. Мой молодой дядя Арсен стащил из тира пневматическую винтовку, залез на «кирху Рихтера» и бил оттуда ворон. Казалось, ничего страшного – пришел участковый, отнял винтовку и, дав ему подзатыльник, ушел. К несчастью, тут вышел указ Хрущева: в связи с переходом СССР к коммунизму с преступностью надо покончить – мол, какие уголовники в раю? Ужесточались наказания и режим в лагерях. Арсен свободным отправился в суд и не вернулся оттуда, неожиданно получив «сталинский» срок – десять лет лагерей. Он вышел, когда я уже кончал школу, и вскоре снова ушел на зону. Его жизнь раздавили.

Все эти переходы из света во тьму, из эллов в морлоки бывали моментальными. Ты социализировался как советский человек, которому не дано выбора. Советские – лучшие в мире. Мы новые личности, мы надежда трудящихся всего мира. Нам бесконечно повторяли, что дети в СССР – «правлящий класс», и действительно любили. В то же время, согласно тем же правилам, с тобой можно обойтись сколь угодно бесчеловечно. Советская социальность была капиллярным «огосударствлением» жизни. И люди, которые вот только что тебе улыбались, могли вызвать милицию, психиатров или КГБ. Даже родители к их собственным детям, я знал такие случаи.

И. К.: А тебе важно говорить о родителях или нет?

Г. П.: Да, но воспоминания одессита о предках кратки. Одесса – город шатких, полураспавшихся семей. Почти нет родовой памяти, и ее придумывают, впрочем, с выдумками никто не спорит. Папа и мама вечно были на работе, мной занимались бабушки. В детстве они играли могучую роль, к ним восходили «родовые начала». Мир моего детства стоит на трех бабушках, как на трех китах. Феодосья Ивановна, мать отца, в доме которой я рос аж до смерти деда в 1963 году. Мамина мама Софья в Херсоне, с ней я проводил лето. И еще Нина Романовна, сестра деда Василия. В войну потеряв дочку Верочку – она очень меня любила. Жила с мужем дядей Тоней в Одессе неподалеку от нас, и мне разрешали проводить у нее выходные. Бабушки генерировали атмосферу деятельной и бескорыстной тотальной любви – без условий,

требований, без давления. Их любовная радиация защитила меня от многого. Но, конечно, не от нарциссизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.